Тел.256-94-34 FAX 259-46-39

Моск комсомолец - 1997 - [illegible] - с. 8

"ЛЕНКОМ" СТАВИТ НА ZERO

"Я был в горячке и двинул всю эту кучу денег на красную — и вдруг опомнился! И только раз во весь этот вечер, во всю игру, страх прошел по мне холодом и отозвался дрожью в руках и ногах. Я с ужасом ощутил и мгновенно сознал: что для меня теперь значит проиграть! Стояла на ставке вся моя жизнь!

Нет сомнения в том, что под этими словами знатока человеческих душ писателя Достоевского и сейчас подпишутся массы. И даже тот, кто ни разу не переступал порога казино и не имеет представления о всяких там рулеточных страстях, рано или поздно, так или иначе играл с этой жизнью, особенно распаляясь при виде надписи "Опасно для жизни". Странноватые, страшноватые игры с умопомрачительными ставками не зеленом сукне и с револьверным дулом у виска развернутся в новом спектакле Марка Захарова "Варвары и еретик", поставленном режиссером по роману Достоевского "Игрок". До премьеры остается 9 дней. В "Ленкоме" отменены все спектакли: с утра до вечера, включая даже ночь, здесь репетируют, репетируют, репетируют...

14 ДНЕЙ ДО ПРЕМЬЕРЫ

(на сцене — выгородка, затянутая мутным целлофаном)

В темный зал "Ленкома", освещенный только со сцены, я вошла на слова:

– Все знаю. И про твой ресторан все знаю.

Суровый Захаров напротив Збруева, и вокруг сидящие, как члены профсоюза, артисты "моют" кости вовсе не Збруеву и его ресторану "Трам", а деловито ищут интонацию для Инны Чуриковой, с которой ее персонаж — богатая русская барыня Антонида Васильева — общается с родственниками. По мнению Захарова и общественности, у нее должна быть интонация как минимум гаишника: "Почему нарушаем? Документы!". И как максимум — авторитета какой-нибудь криминальной группировки, держащего в ежовых рукавицах правительственных чиновников. Для мягкой Чуриковой это запредельная задача.

На сцене тяжелая артиллерия "Ленкома" — **Янковский, Абдулов, Броневой, Чурикова, Джигарханян, Захарова, Лазарев.** Похоже, что это будет самая "звездная" премьера за последние годы (для полного комплекта не хватает только **Караченцова**). "Тяжелая артиллерия" занимается тем, что в 105-й раз нудно "разутюживает", как парадный костюм, сцену знакомства Чуриковой с обществом, которое за границей так ждало сообщений о ее... смерти, а она, живехонькая, вдруг свалилась ему на голову. Захаров с легкостью, не свойственной человеку его возраста, постоянно вылетает на сцену с ненавистным для меня словом: "Стоп!" Показывает, как надо бояться старухи, движениями, голосом, глазами. Беспрестанный тормоз репетиции носит для зрителя такой мучительный характер, который испытываешь, застряв в автомобильной пробке, ни тпру, ни ну.

Александра Захарова и Александр Абдулов

Александр Лазарев

Маша Миронова и Армен Джигарханян

Олег Янковский

ПЕРЕРЫВ 30 МИНУТ

(пустое фойе театра)

Все, естественно, двинули в буфет, где оказались при деле. Ленкомовские герои-любовники — Лазарев и Соколов — при нардах. Янковский и Абдулов — при бутербродах и деловых разговорах. Леонид Сергеевич Броневой чаем заливает рассуждения о перспективах российско-белорусского договора:

– Они еще на референдум будут деньги переводить?

Маша Миронова, дочь известного артиста, в первом в своей жизни театральном сезоне получила у Захарова очень приличную роль — **мадам Бланш**, эффектной авантюристки, которая помогает мужчинам прожить их состояние.

– А ты в рулетку играешь?

– Один раз два миллиона выиграла.

13 ДНЕЙ ДО ПРЕМЬЕРЫ

(сняли целлофан, за которым обнаружилась винтовая лестница)

До рулетки, как выяснилось, в "Ленкоме" охочи многие. Нет ни одного, кто бы хоть раз не забрел в казино.

– Вот у меня был случай, – говорит Саша Лазарев, – как в том анекдоте: под утро двое друзей возвращаются из казино. Один голый, другой в трусах. И тот, что голый, говорит приятелю: "За что я тебя люблю, что ты всегда можешь вовремя остановиться". После этого я играть не хожу.

– На зеро, на зеро! Опять на зеро! Ставь как можно больше!

– Опомнитесь, бабушка! Он иногда по двести раз не выходит!

– Ну врешь, врешь! Ставь! — кричит Чурикова Абдулову на сцене, охваченная ознобом, знакомым всем, кому хоть раз в жизни приходил выигрыш. В жизни Инна Чурикова выиграла лишь однажды миллион рублей, и то только тогда, когда за нее на цифру поставил какой-то молодой человек. Знакомая с чувством маленького триумфатора, Чурикова больше всего бьется над тем, чтобы стать тираном.

Роль на сопротивление не только у нее. Армен Джигарханян репетирует генерала, человека слабого, сломанного легкомысленной француженкой. Армен Борисович сидит в зале рядом со мной и курит, стряхивая пепел в общепитовскую тарелку.

– Нет, я не думаю — слабый или сильный генерал, — говорит он тихо, наклонившись над моим диктофоном. — Я просто вижу поступки: вот приехала бабка, у нее в руках деньги. Ей надо угодить и всячески дать понять, что у меня молодая девочка и я хочу, хочу, хочу, ну и так далее... Это он в результате получается слабый, а так он счастлив: русский вырвался за рубеж, у него француженка, он детей даже своих забыл.

– Вам не обидно играть в очередь с Янковским? Не потому, что с Янковским, а потому, что в очередь?

– Я очень люблю в очередь. Это возбуждает фантазию, когда смотришь, как другой хороший артист репетирует.

В это время на сцене хороший артист Янковский подобострастно тянет по полу ногу — одну к другой. Такая "нога" для Захарова неубедительна, хотя в зале явно "оценили" пластику артиста, зааплодировали. Захаров кричит:

– Армен Борисыч, прошу на сцену.

Откашлявшись, Джигарханян пошел на сцену. Он тоже тянет ногу, но по-своему. Все покатываются. Оживление на сцене явно мешает процессу.

12 ДНЕЙ ДО ПРЕМЬЕРЫ

(монтировщики устанавливают зеркальную поверхность по всей сцене)

Чего только не говорят в театре про "Игрока"! Обслуга в основном матерится из-за того, что металла на декорации пойдет больше, чем на оборонном заводе. Вахтерша шепнула, что вчера в театр под вечер завезли шляпки. Хороши шляпки — в дверь не проходят. Их вносили на руках, как люстры, держа над головами. Но больше всех обсуждают адскую машину, которую уже успели окрестить "самогонным аппаратом".

К самогону этот аппарат относится, как к собачке виолончель. Главный художник **Олег Шейнцис** носится по залу и только в силу интеллигентности не произносит вслух известные слова, с помощью которых в России делается все. Он стоит на сцене среди того, что на профессиональном языке называется декорацией, — возле 10-метровой винтовой лестницы, ступени которой, как лопасти ветряной мельницы, тянутся из кулисы в кулису.

– Что-то горит, горит, – кричит Шейнцис, на что монтировщики индифферентно отвечают: "Да это от сварки".

На сцене стучат, варят металл, запускают круг.

– Это, видите ли, такая сложная инженерная конструкция, которая превращается в животное, зверя и начинает управлять людьми.

– Мне уже страшно.

– Надеюсь, будет смешно.

Хотя сейчас ему совсем не до смеха, потому что плод воспаленного ума — аппарат, о котором все говорят, – не заводится.

11 ДНЕЙ ДО ПРЕМЬЕРЫ

(всю ночь идет монтаж декорации)

Невероятно, но факт! Среди всей этой стихийной театральной компании таки нашелся человек, который ни разу в жизни не был в казино. Им оказался Леонид Сергеевич Броневой – девственен и невинен в смысле рулетки.

– Не ходил и не пойду.

– Почему, Леонид Сергеевич?

– Да хоть в нашем спектакле посмотрите: все кричат, несут деньги, мистика и ужас. Я ведь поначалу отказывался и говорил Захарову, что не моя это роль. Потапыч **(человек при Чуриковой. — М. Р.)** — человек из простых, наивный, маленький. Как Фирс, только не такой дряхлый, который попал на рулетку и всего боится. Мне и играть здесь ничего не надо: я сам боюсь. Вот Саша Абдулов – он человек дико азартный.

Абдулов: загадочная фигура с мрачноватым видом подпирает портал сцены. Как сыграть раздвоение личности? А как Саше Захаровой сыграть Полину — натуру самовоспламеняющуюся, которая сама не знает, чего хочет? Кто-то мне сказал, что однажды видели, как она, Саша, втихую всплакнула.

10 ДНЕЙ ДО ПРЕМЬЕРЫ

(всю ночь идет монтаж, костюмы пока не завезли)

– Я уверен, что русским писателям небезразлично то, что происходит с их произведениями на земле, – говорит мне Захаров. – Наверное, Булгакову не понравилась экранизация Юрия Кары "Мастера и Маргариты", если она до сих пор не вышла на экран.

Если мистике подвержен даже такой режиссер, что говорить о других? Однако благосклонность Федора Михайловича к "Варварам и еретику" Захаров проверил, между прочим, не где-нибудь, а в зарубежном игорном доме, где поставил на зеро и... выиграл. Выиграет ли он в "Ленкоме" и на какой "куш" может рассчитывать — увидим.

– Но что же это за мистическая машина будет на сцене?

– Это музыкально-кинетическое устройство, не имеющее аналогов. Некий музыкальный аппарат – как часть естества героя Абдулова, его внутренний голос, который может помочь, а может и навредить.

Все эти дорогостоящие штучки рассчитаны, по словам Марка Анатольевича, не сколько на внешний эффект, сколько на раскрытие философской сути беллетристики Достоевского.

– Выяснилось, что наши классики разобрались в нас уже давно. Почему мы довели великую державу до революции, почему при таком духовном богатстве и способности влиять на мировую культуру мы плохо работаем, уступаем другим народам и дисциплине и собранности. Для нас этот спектакль — акт самопознания.

Акт самопознания Марка Захарова в этот день заключался в том, чтобы понять, сколько ему Бог отпустил терпения, чтобы спокойно и без срывов созерцать развал на сцене и ждать, когда же адская машина наконец заработает.

9 ДНЕЙ ДО ПРЕМЬЕРЫ

(на сцене декорация умопомрачительной красоты. Но костюмов пока нет)

– Марфа, где ты? Живая? Не слышу тебя, – голос у Инны Чуриковой такой, хоть армией командовать. – Что? Хочется на рулетку?

– Ой, как захотелось ей. Она давно уже хочет, – сообщает Потапыч – Броневой.

Марфа тонким голосом запричитала что-то насчет "раскались до гробовой доски". И все подхватили и вжарили разом ту самую русскую песню, слов в которой, сколько ни тужься, не разобрать, но понятно, что она русская. А потом поехала огромная лестница, как нож мощной мясорубки, и [illegible] — [illegible]

– Двойка, тройка, девять, три, один. Двадцать четыре, сорок, двадцать пять.

Справа за столом, как в рапиде, двинулись игроки, всем своими [illegible] давая понять, что "приглашены к позорному столу". А слова Чуриковой – Антониды Васильевны – закричала опять.

– Наследства ждали? Вот! – Чурикова смачно плюнула на комбинацию из трех пальцев, которую резко выбросила вперед. – Вот вам! Просвистала свое — не ваше!

[illegible] две пары в черном трико сделали диковинный цирковой номер от Гнеушева. Музыка Сергея Рудницкого нагнетала страсти.

– Рулетка – это игра по преимуществу русская, – скажет в финале Збруев Абдулову. И будет прав. На кого ни посмотри — на сцене или в зале. – Игроки-с. Игроки-с.

Марина ***РАЙКИНА.***